

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ И ТЕОРИИ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВО
МОСКВА

Л. С. БРЕТАНИЦКИЙ
Б. В. ВЕЙМАРН

ИСКУССТВО
АЗЕРБАЙДЖАНА

IV—XVIII веков

ИЗДАТЕЛЬСТВО. ИСКУССТВО
1976

чатую облицовку завершает декоративная надпись фриза, а фрагментарно сохранившийся сложный сталактитовый карниз некогда поддерживал ныне несуществующий конический шатер.

Композиционно тождественные южный, западный и восточный порталы ведут в верхнюю камеру. Система орнаментальных полос обрамляет опирающиеся на трехчетвертные колонки стрельчатые арки со сталактитовым заполнением. Структурно отличается главный — северный — портал. Его надпроемное пространство заглублено и заполнено сложной системой сталактитов, подчеркивая абрис архивольта арки; различия также и размещение декоративных надписей. Кроме того, в орнамент вкраплена золотистая полива, в убранстве мавзолея более не встречающаяся. К portalу вела двусторонняя распашная лестница.

Богатство убранства фасадов оттенено скромностью интерьеров, что свойственно произведениям нахичеванского круга. Грани верхней камеры обработаны лишенными какого-либо декора узкими стрельчатыми арками. Переходом к эллиптического очертания куполу служил двухъярусный сталактитовый карниз. Полуподземный склеп под камерой некогда был покрыт крестовым сводом.

Минареты ансамбля принадлежат XII веку. Призматические объемы их оснований украшены трехлопастными стрельчатыми арками с одноцветной узорчатой кладкой внутренних плоскостей, напоминающей кладку мавзолеев Нахичевани, Харакана и Демавенда. Небольшие восьмигранники служат переходом к стройным цилиндрическим стволам, лекальную кладку которых обогащают узкие бирюзовые кирпичи в вертикальных швах. Этот незатейливый рисунок обрезан переходящей со ствола на ствол широкой куфической надписью, терракотовые буквы которой размещены по бирюзовому фону — наблюдавшийся в Барде прием, сравнительно редкий для средневекового Азербайджана.

Обнаруженные между минаретами и мавзолеем фрагменты стен позволяют полагать, что они принадлежали ханеге. На месте существующего мавзолея, построенного в первой половине XIV века, ранее, видимо, было другое, также погребальное сооружение, связанное с ханегой единством функционального и художественного замысла. Сходная композиция и организация пространства наблюдаются в Нахичевани, Абаркухе, Эрзеруме и других примерно одновременных ансамблях.

Карабагларский мавзолей запоминается изысканностью пропорционального строя, скульптурностью архитектурных форм и филигранным изяществом убранства. Незабываемое впечатление оставляют «импрессионистические» изменения его колорита. В лучах восходящего солнца, когда искрится «зло отвращающая и радость приносящая» бирюза и преобладают насыщенные теплом тона облицовки, облик мавзолея легок и подчеркнута мажорен. В часы заката, когда доминируют холодные синевато-зеленые тона, он приобретает иное художественное звучание, неизмеримо более строгое и весомое (*илл. 65*).

К «кубическим» мавзолеям принадлежит Гунбад-е Гаф-фарийе в Мараге. Его сложенный из кирпича массивный объем стоит на обычном, облицованном крупным камнем цоколе. Угловые трехчетвертные колонны также завершены несложно профилированными каменными плитами. Архитектурный строй мавзолея и построенного лет на двести ранее Гунбада-е Сурх тождествен. Но сопоставление их подтверждает общность явлений художественной эволюции, отмеченных при сравнении «башенных» мавзолеев до- и после-монгольского времени. Малоприметный вход превратился в эффектный портал, главенствующий в композиции выделяемого главного фасада. Расширившаяся палитра средств художественной выразительности придала сооружению более парадный характер, отвечая изменившимся эстетическим представлениям. В мемориальном строительстве XIV—XV веков «башенные» и «кубические» мавзолеи по-прежнему занимают видное место, подтверждая жизненность архитектурных связей Азербайджана, Хорасана и Средней Азии.

Представления о взаимосвязях искусства «мусульманских» и «христианских» областей Переднего Востока, Закавказья и Малой Азии значительно расширяют оригинальные архитектура и убранство мавзолея в селении Хачин-Дорбатлы (*илл. 66*). Его двенадцатигранный корпус, завершенный пирамидальным шатром, стоит на невысоком трехступенном цоколе. Декоративные изящные пилястры на стыках граней завершены капителями, близкими деревянным формам. Поверху проходит полоса орнаментального фриза, крупные членения узора которого выявлены цветом. Грузность массивного корпуса несколько смягчена декоративными стрельчатыми нишами, чередующимися с проемами, верх которых заполнен несложными сталактитами. Входной проем на северной грани выделен масштабно и под-

черкнут декором (илл. 67). Его обрамляет вереница крупных, тонко прорисованных и искусно выполненных розеток, напоминающая убранство входов мавзолея Мелик Аждара и храма-усыпальницы в Егварде.

Внутреннее пространство мавзолея по обыкновению состоит из крестообразных в плане склепа и верхней камеры. С редкостного великолепия многоярусному сталактитовому своду камеры примыкают не менее сложные сталактитовые композиции ветвей креста. В его южном торце размещен тонкой работы михраб с раковинообразной многолопастной конхой. Повторяя мотив убранства входа, михраб обрамляет цепь небольших, изящно орнаментированных розеток. Строгость интерьера склепа подчеркнута филигранной вязью орнамента большой розетки, помещенной напротив входа.

Скромная арабоязычная надпись над проемом верхней камеры сообщает имя погребенного, дату строительства — 314 год — и имя зодчего — устада Шахензи. Михраб и содержание надписи подтверждают, что «заказчик» был мусульманином. Тем не менее в архитектуре мавзолея немало элементов, говорящих о связях с зодчеством соседних христианских областей, — убранство входа, трактовка колонок, характер сталактитов. Особо отметим редко встречающиеся в убранстве памятников Азербайджана изображения живых существ, как бы награвированные на гранях (илл. 68). Тематический круг их обычен — терзающий лань хищник, крылатый грифон, олени, косули. Выразительность уверенных линий, стремительность движений, неожиданность ракурсов, материальная объемность скупо очерченных форм говорят о недюжинном мастерстве художника. Сюжетами и манерой исполнения они несколько напоминают такие же «граффити» Гегарда и Сагмосаванка в Армении.

Внимание многих путешественников и ученых привлекала усыпальница Дири-Баба в селении Мараза, отличающаяся необычностью местоположения и оригинальностью архитектурного решения (илл. 69). Постройка имеет два этажа. Дневники К. де Брюина и А. Олеария, работа Б. Дорна содержат не только описания примечательного памятника, но и его воспроизведения.

На площадке, высеченной в почти отвесной скале, стоит небольшой двухъярусный мавзолей. Четкая строгость архитектурной композиции оттенена хаотичностью пейзажа живописного «задника», а архитектурный строй отразил структуру внутреннего пространства мавзолея. Его первый ярус составляет покрытый стрельчатым сводом зал, в который можно пройти из небольшого «вестибюля» с восьмигранным куполом. Высеченная в скале лестница ведет в просторный зал второго этажа, площадью равный помещениям нижнего яруса. Развитые тромпы сферического со слегка заостренной макушкой купола украшены изящным растительным орнаментом. Фрагмент надписи на одном из них сообщает дату строительства—1402 год — и часть имени зодчего— «. . . сын устада Гаджи». На юг, запад и восток обращены световые проемы зала, а два небольших проема в северной стене ведут к гроту в скале. Этот грот служил местом погребения, окутанного романтическим флером преданий и легенд. Украшением Дири-баба был великолепный декоративный фриз. Его эффектная надпись, начертанная каллиграфом по прозвищу «Дервиш», напоминает надписи Голубой мечети, но выполненные наборной мозаикой.

Аналогом Дири-баба служит лишь своеобразный мавзолей — мазар Парау-биби, находящийся неподалеку от рабата Ферова в горах Копет-дага (Туркменская ССР), сходный местоположением и приемом организации плана.

Среди мемориальных сооружений этого времени несколько особняком стоит грандиозный мавзолей Ольджейту Ходабенде в Султание, сооруженный Али-Шахом ат-тебризи (илл. 70). Его мощный восьмигранный массив завершен многоярусным сталактитовым карнизом, над которым проходит открытая стрельчатая аркада. Выразительный объем эллиптического купола над огромным залом оттенен стройными башенками минаретов.

Энергичностью внешнего абриса купол выгодно отличается от несколько аморфных очертаний куполов Пантеона в Риме и св. Софии в Константинополе, архитектурными конструкциями и формой напоминая купол собора Санта Мария дель Фьоре во Флоренции, сто лет спустя прославивший Брунеллеско. Нетрудно представить градостроительное значение этого грандиозного сооружения в быстро развивавшемся городе.

Мавзолей в Султание занимает видное место среди купольных гробниц Переднего Востока (Серахс, Сенгбест и др.), к которым он структурно тяготеет, а его некогда искрившийся на солнце бирюзовый купол, видимо, не уступал куполу мавзолея Султана Санджара в Мерве, который, по словам известного арабского географа Якута, был «виден на расстоянии дня пути».

Об архитектуре замков того времени дает представление мардакянский замок, построенный в конце XIV века (илл. 71). Находится он примерно в двухстах метрах от замка, построенного в 1232 году. Сопоставление их, подтверждая устойчивость локального архитектурного типа, позволяет одновременно отметить и характер его эволюции. Замок утратил своеобразие изящества своего прототипа за счет большей монументальности и суровости облика. Эти изменения определяются не только значи-

внешними стенами возвышается кряжистый массив донжона, углы которого усилены трехчетвертными башенками. Развитые консоли машикулей оттеняют гладь живописно скомпонованных архитектурных масс донжона и внешних стен. Выделяясь среди замков Апшерона местоположением и абрисом плана, он родствен им приемами организации пространства, системой обороны, архитектурными формами и конструкциями.

Отметим некоторые общие черты зодчества рассматриваемого периода. Сопоставление различных групп сооружений говорит о несомненной преемственности в развитии ранее сложившихся традиций. По сути, завершился один из основных этапов формирования функционально единых и типологически общих групп общественных и мемо-

68. Мавзолей в селении Хачин-Дорбатлы.
Изображения на гранях. Прорисовка

риальных, оборонительных и культовых зданий, для которого показательна возросшая монументальность и парадность внешнего облика. Не менее характерна тенденция к усложнению и декоративной трактовке архитектурных форм. Более изысканным стал пропорциональный строй.

Столь же характерной чертой становится выявление главного фасада, в композиции которого главенствующее значение приобретает портал, выделяемый всеми средствами архитектурно-художественной выразительности. Помимо объема он подчеркивается пластикой форм, сложными сталактитовыми заполнениями конх и живописностью контраста светотени на ступенчатых перепадах. Широко применявшиеся курваты устранили иллюзорные искажения архитектурных линий.

Многоцветные керамические облицовки становятся обязательным элементом убранства монументальных сооружений. Однако сплошные облицовочные «рубашки» еще связаны со строительным массивом зданий и подчинены архитектурному строю. В орнаментике наблюдается иное явление. Интенсивность полихромной расцветки мозаичных наборов способствует большей плоскостности узоров, где игра мелких светотеней вытесняется броским контрастом расцветок. Цвет превращается в неотъемлемый элемент художественной выразительности, одно из ее наиболее важных средств.

Поражает великолепие и многообразие орнаментики. Наряду с многоцветными мозаичными наборами и майоликовыми плитами широкое распространение получает художественная резьба по камню. Живописный растительный орнамент потеснил четкие геометрические узоры. Заполняющие плоскости «бесконечные», нередко многоплановые, сложные плетения встречаются чаще, нежели подчиненные заданной форме «замкнутые» композиции.

Прихотливая вязь несх'а, живописно переплетающаяся с узорами растительного орнамента, сменяет более угловатый и четкий куфи. Двойное назначение приобретают орнаментализованные надписи, выполняя декоративные и религиозно-пропагандистские функции. Ранее они размещались лишь на фризах, порталах и обрамлявших грани полосах, воспринимаясь не столько как требующие прочтения надписи, сколько как ленты затейливого орнамента. Ныне поверхности фасадов монументальных зданий полностью покрыты крупно начертанными квадратным куфи, многократно повторяющимися краткими религиозными формулами.

В произведениях изобразительного и декоративного искусства отразились общие для рассматриваемого периода черты. Присущий эпохе крупных государственных образований стремительный рост ряда больших городов, особенно столичных; упрочение и значительное расширение политических, торговых и культурных связей, причем не только внутренних, но и внешних — среди них особо отметим связи с Русью и странами Западной Европы, — способствовали резкому увеличению «емкости» и изменению характера